

Шутка

(Рассказ из былой морской жизни)

К.М.Станюкович. Собр.соч.в 10 томах. Том 8. -- М.: Правда, 1977
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 12 марта 2003 года

{1} -- Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

I

Было это давным-давно.

Жарким сентябрьским днем 1860 года клипер "Голубчик" под брейд-вымпелом начальника отряда поднимался по реке Янтсе-Кианг{26}, направляясь из Шанхая в Ханькоу{26}.

Жара стояла палящая, и тент над головами мало помогал. Жарило и солнце, дышала, казалось, жаром и мутно-желтая, широкая река с плоскими берегами.

Кочегары, работавшие у топок, то и дело выбегали наверх, и их обливали водой из брандспойта. Матросы, отдохавшие после обеда на палубе, томились, напрасно стараясь заснуть и проклиная китайскую сторону и непривычное для них пекло. Вахтенные изнывали, не находя места. Даже боцман Егорушкин настолько раскис, что не выпускал, по обыкновению, фонтанов сквернословия из своей "луженой глотки", как называли матросы горло Егорушкина, вероятно, в честь его способности ругаться и выпивать на берегу большое количество всяких спиртных напитков, оставаясь при этом на ногах и даже в "форменном" рассудке.

Стоявший на мостике вахтенный начальник мичман Вергежин млел в своем расстегнутом чесучовом кителе под палящими лучами солнца, -- так как над мостиком тента не полагалось, -- млел и лениво поглядывал на низкие берега реки, не думая решительно ни о чем. И прислониться было нельзя. Поручни вокруг мостика горячие. И отовсюду на клипере пышало жаром.

Несколько оживлялся мичман только тогда, когда джонки бывали под носом, и Вергежин приказывал давать свистки и иногда стопорить машину.

У компаса недвижно стоял пожилой лоцман китаец с желтым бесстрастным лицом. В своей кацавейке и с черной, украшенной шариком шапочкой на голове, он, казалось, не чувствовал дьявольского зноя.

Этот лоцман китаец, взятый в Шанхае, вел клипер по реке и почти не сходил с мостика. Звали его Атой, а матросы, разумеется, называли "Атойкой" и дивились, что "длиннокосый" отказывался от водки, ел очень мало, и только рис.

В первом часу клипер проходил мимо Нанкина{27}, заставившего Вергежина лениво вспомнить географию, лениво взглянуть на громадный город со множеством пагод и знаменитой башней{27} и лениво отвернуться, не испытывая ни малейшего желания побывать на берегу, так как китайки после наблюдения их в Шанхае несколько не пленили мичмана. Да и к тому же он находился еще под впечатлением красоты мисс Кэтти, наездницы из цирка в Гонконге, с которой две недели тому назад он провел три "чудных", по его словам, дня, настолько чудных, что прихватил у ревизора жалованья за месяц вперед и, в память этих дней, носил на мизинце кольцо с драгоценным камнем неизвестной, впрочем, породы, которое черноглазая мисс Кэтти, уроженка Флориды, подарила вместе со своей фотографией Вергежину, великодушно истратив на подарок двадцать восемь шиллингов из двадцати фунтов, полученных ею "на перчатки" от щедрот тороватого и влюбленного мичмана.

-- Атой! А китайки красивы в Нанкине? -- спросил по-английски Вергежин лоцмана.

Китаец довольно равнодушно ответил на ломаном английском языке:

-- Красивы.

-- Как в Шанхае?